

УДК 94(47+571.5)

«Желательно нарушение обособленной сплоченности инородцев...» (инородческий вопрос в представлениях военных губернаторов Забайкальской области)

Л. В. Кальмина, О. А. Малыгина

*Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, г. Улан-Удэ
Бурятский государственный университет, г. Улан-Удэ*

Аннотация. Статья посвящена анализу представлений военных губернаторов Забайкалья о решении инородческого вопроса в области. Их ежегодные отчеты – свидетельство того, что именно от губернаторского звена власти исходила инициатива унификации жизни и управления коренным населением Забайкалья для обеспечения безопасности приграничной территории на востоке Российской империи.

Ключевые слова: военный губернатор, инородцы, губернаторский отчет, реформа управления, земельный вопрос, унификация образа жизни.

Вошедшие в состав Забайкальской области Хоринская, Агинская, Кударинская, Баргузинская и Селенгинская степные думы [17, с. 164] с многочисленным бурятским населением сделали актуальным для нового административно-территориального образования инородческий вопрос, который занял центральное место в этнической политике военных губернаторов. Юридически инородцы представляли собой четко обозначенную группу народов, не подчинявшихся общим законам империи, сохранявших местные обычаи и традиционное управление и обладавших определенными привилегиями, самой значительной из которых было освобождение от воинской повинности [24, с. 502]. Предполагалось, что со временем они превратятся в оседлые сельскохозяйственные народы, более не нуждающиеся в специальных юридических нормах и подчиняющиеся общим законам империи. Поэтому основной задачей инородческой политики в крае стало распространение на аборигенное население податных обязанностей и вовлечение его в административно-правовые процессы государства.

В первые годы существования Забайкальской области инородческий вопрос решался в соответствии с реформами М. М. Сперанского 1822 г., которые обеспечивали компромисс интересов самодержавной власти с региональными интересами [16, с. 54]. В отчетах нового института власти на востоке империи – военного губернатора – раздел «инородцы» становится обязательным блоком, соседствуя с другими «группами риска»: «раскольниками» и «иноверцами».

Имеющаяся в нашем распоряжении официальная переписка военных губернаторов свидетельствует о том, что первоначально инородческий во-

прос в областном делопроизводстве ограничивался почти исключительно статистическими и описательными данными [20, с. 147]. В первом отчете военного губернатора П. И. Запольского за 1851–1852 гг. указывается на деление инородцев, «обитающих в Забайкальской области», на оседлых, кочующих и бродячих. «К первым относятся немногие из тунгусов на юге Нерчинского округа проживающие, – пишет военный губернатор. – Это выходцы из Китая с князем Гантимуровым. Ко вторым буряты; к третьим тунгусы. Все они исключительно занимаются звероловством, употребляя мясо пушного зверя в пищу, а шкуру – на уплату ясака. Многие из них начинают заметно привыкать к земледелию и более оседлой жизни. Многие роды бурят славятся искусством в ковке, делании стрел и луков, огнив, домашних сельских орудий и прочаго. В этом отношении как равно в обилии скотоводства первенство принадлежит Селенгинским, Хоринским и Агинским бурятам. Замечено, что тунгусы перекочевывают целыми родами, из одного округа в другой и жалуются на скудный промысел зверя...» [21, л. 71–74]. В его же отчете за 1852 г. констатируется, что оседлые инородцы «живут между русскими особыми селениями и частью между кочевыми инородцами, живущие между русскими... занимаются полным оседлым хозяйством по сельскому быту; из кочующих более прочих привыкли к хлебопашеству инородцы Кударинского и некоторые роды Селенгинского ведомства Верхнеудинского округа. Вообще же хлебопашество у инородцев развивается незначительно. Бродячие инородцы исключительно заняты звероловством и из них весьма немногих можно встретить зажиточных» [22, л. 52–54]. В отчете за 1854 г. П. И. Запольский уже оперирует статистическими данными: «Монгольское племя проживает числом 51 567 в Верхнеудинском округе и 15 903 в Нерчинском округе всего 67 470 мужского пола и Тунгусского племени числом 2880 в Верхнеудинском округе и 3529 душ в Нерчинском округе, всего 6409 мужского пола душ. Занятие тех и других состоит частью в хлебопашестве и более в скотоводстве и звероловстве» [23, л. 5–10 об.]. При подсчете количества инородцев-христиан и «идолопоклонников» в отчете была допущена ошибка, за что генерал-губернатор Восточной Сибири Н. Н. Муравьев попенял П. И. Запольскому, указав, что «желал бы на будущее время, чтобы все сведения к отчету были составлены с большей ясностью», а уточненные данные представлены «как можно поспешнее» [6, л. 42]. Информация об аборигенном населении в отчете за 1855 г. была предоставлена П. И. Запольским в точном соответствии с уже сложившимся стереотипом «инородческой» отчетности [7, л. 336].

В отчете за 1861 г. военный губернатор Е. М. Жуковский впервые представляет на усмотрение императора собственные предложения о повсеместном переходе бурят от кочевой жизни к оседлой. По мнению военного губернатора, собранные им данные позволяют прийти к заключению, что «буряты сами чувствуют и выражают эту потребность», и препятствие к этому переходу он видит только в «недостатке образования, которое указало бы им путь», «ограниченности средств для устройства нового хозяйства» и «привычке к кочевой жизни». Решение этой проблемы он видел в «участии

Правительства», которое «должно заключать в себе только указания легчайшего и правильного способа и не требует со стороны казны нового расхода» [8, л. 606 об.–607]. Губернатор слишком упрощенно подошел к этому вопросу, приняв желаемое за действительное. Ему казалось, что стоит посулить кочующим бурятам земельные наделы, как они легко перейдут к оседлой жизни. Однако на деле его предписание 1862 г. о принятии мер по переходу кочующих инородцев к оседлости путем наделения их землей не нашло поддержки у бурятских ведомств. В качестве главного препятствия они указывали на земельный вопрос [17, с. 167], хотя военный губернатор считал его уже решенным. Попытка «наскоком» унифицировать образ жизни во вверенной ему области не удалась, и в течение последующего десятилетия в отчетах никаких кардинальных предложений по изменению положения инородцев или каким-либо другим касающимся их вопросам не зафиксировано. Однако уже в 1870-е гг. в губернаторских отчетах, помимо статистических данных об инородцах и информации об их занятиях, высказывается мнение о необходимости внесения изменений в политику по отношению к аборигенному населению. В частности, предложение о необходимости приведения к единому знаменателю форм административно-территориального управления и распространения его на инородческое население прозвучал в отчете военного губернатора И. К. Педашенко в 1878 г. [10, л. 5]. По воспоминаниям А. Кейзерлинга, у военного губернатора М. П. Хорошхина, едва приступившего к исполнению своих обязанностей, «особенное недовольство вызывало то, что инородцы, издревле населявшие подвластные ему территории, сохранили свой давний патриархальный уклад, в каком жили и тогда, когда присоединились к России». Одним из первых действий М. П. Хорошхина в новой должности стал представленный Приамурскому генерал-губернатору барону Корфу «проект реформ, непосредственно касающихся этих народов». Согласно проекту «их надлежало лишить самоуправления и превратить в казаков. Земли будут им оставлены, но уже не на основе старинных договоров, а, как во всех казачьих войсках, в обмен на военную службу, каковую они обязуются нести». Во время бесед с влиятельными людьми в Урге А. Кейзерлинг пришел к выводу, что «уступка требованиям читинского губернатора Хорошхина милитаризовать туземные народы, т. е. превратить их в казаков, очень сильно навредит политическим устремлениям барона Корфа в Монголии». Самому Корфу проект тоже не понравился, поскольку «он противоречил давним договорам с этими народами, согласно которым они во времена Екатерины II добровольно присоединились к России», и он его отклонил. А. Кейзерлинг считал, что именно непрактичный проект М. П. Хорошхина об административном преобразовании инородческого населения стал причиной его карьерного «падения». Рассчитывавший после службы в Забайкалье вернуться в Петербург, он был отправлен в Туркестанский военный округ [19, с. 165–166, 213].

Однако впоследствии предложения о ликвидации инородческого самоуправления стали звучать все настойчивее. В частности, в отчете за 1893 г. военный губернатор Е. О. Мациевский указывал, что было бы полезным уп-

разделение степных дум, которые, не подчиняясь участковым приставам, разъединяют население округа [11, л. 34об]. Таких же взглядов придерживался губернатор Якутской области В. Н. Скрыпицын, который считал, что статьи Устава 1822 г., особенно касающиеся принципа терпимости обычаев инородцев и невмешательства в их внутренние дела, уже не отвечают государственным «пользам и нуждам». По инициативе губернатора был создан проект нового Положения об инородцах Якутской области, однако реализован он не был [1, с. 28].

Как видим, заложенная М. М. Сперанским идея сохранения региональной специфики управления к концу XIX в. стала подвергаться критике, и в генерал-губернаторском звене власти зрели конкретные предложения по унификации управления [16, с. 56]. По всей видимости, эти предложения черпались из отчетов губернаторов (те, в свою очередь, заимствовали их из окружных отчетов): власть родоначальников, лам и тайшей, препятствующих «объединению с русским населением», стала вызывать нешуточные опасения губернаторов [11, л. 34 об.].

К этому времени интонация всеподданнейших отчетов военных губернаторов Забайкальской области окончательно меняется: в них появляется оценка эффективности исходящих от генерал-губернаторов предложений по инкорпорации коренного населения в «русское» общество. В уже упомянутом отчете Е. О. Мацеевского за 1893 г. выражается уверенность в глубокой преданности инородческого населения области Священной Особе Его Императорского Величества и готовности по первому требованию отдать за него свою жизнь. Немалую роль в этом, по мнению губернатора, сыграет требование обязательного знания русского языка, предъявленное в свое время Приамурским генерал-губернатором бароном Корфом лицам, избираемым на духовные должности. Это, указывалось в отчете, «заметно приносит плоды, и благоразумные из числа инородцев начинают посылать детей своих в русские школы, а один из них /близ Читы/ Мапухин устроил на свой счет русско-бурятскую школу, в которой даже ламаиты по-русски читают православные молитвы» [11, л. 34 об.].

23 апреля 1901 г. царское правительство издало Временное положение «Об устройстве общественного управления и суда кочевых инородцев Забайкальской области», предусматривавшее проведение волостной реформы в крае. Реформа упраздняла бурятское самоуправление, веками существовавшее и законодательно закрепленное в 1822 г. «Уставом об управлении инородцев». Бурятские степные думы как органы родового управления заменялись русскими территориальными единицами – волостями, во главе которых стояли крестьянские начальники, вводилось русское делопроизводство и суд [18, с. 39]. С проведением реформы губернаторские отчеты дополняются информацией о реакции аборигенного населения на унификацию управления, а также собственными предложениями по урегулированию возникших по этому поводу конфликтов и описанием принятых мер: было ясно, что коренное население будет сопротивляться нововведениям. Еще до проведения реформы, в 1899 г., Приамурский генерал-губернатор Н. И. Гро-

деков выразил беспокойство по поводу реакции со стороны «бурятских вожаков» на принятие нового закона и предложил военному губернатору Забайкальской области провести секретные исследования настроений «выдающихся инородческих родовичей», обратив особое внимание на религиозный фактор. В исполнение данного предложения военный губернатор Е. О. Мациевский собрал заседание специально образованной им Комиссии по обсуждению положений Высочайше утвержденного Совещания о поземельном устройстве населения Забайкальской области под председательством А. Н. Куломзина, где был обсужден проект нового закона, и внес свои замечания [17, с. 189]. Даже и после его принятия еще длительное время на губернаторском уровне проводилась корректировка закона и велись соответствующие разъяснения.

Реформа инородческого управления, объективно продиктованная усилением имперских тенденций внутривосточного курса [16, с. 56], задумывалась как мера, необходимая при новом поземельном устройстве, которое устанавливало единую норму земельного надела и было сопряжено с основательным изменением хозяйства и кочевого быта бурят и эвенков. Ее проведение потребовало от губернаторов равно решительности и дипломатичности, хотя им часто не хватало либо того, либо другого. В частности, военный губернатор Забайкальской области И. П. Надаров, исполнительный, но жестокий и властный чиновник, не терпящий возражений и не обладающий должной гибкостью, своим приказом определил жесткие сроки, в которые органы родового управления должны были быть заменены волостными и сельскими правлениями, чем спровоцировал волну протеста хоринских, агинских и селенгинских бурят. После обнародования Временного положения агинские буряты отправили делегацию в Петербург к царю с ходатайством о сохранении Устава 1822 г. В сентябре 1902 г. делегации удалось подать прошение, но царь ходатайство отклонил. Разгневанный жалобой бурят императору, И. П. Надаров 24 января 1904 г. выступил с письменным обращением к нему, где заявил о бесповоротности проведения реформы и грозил карой за неповиновение [15, л. 45]. Издержки его репрессивной политики пришлось смягчать наместнику императора на Дальнем Востоке Е. И. Алексееву, который проводил реформирование постепенно, стараясь избегать карательных мер. 10 ноября 1904 г. «соизволением Императорского Величества» в отношении инородцев, оказавших сопротивление введению нового административного управления и суда, было прекращено судебное преследование, о чем Бандидо Хамбе Ламе Восточной Сибири и представителям дацанов, инородческих судов и волостей сообщил уже другой военный губернатор – И. В. Холщевников [2, с. 4].

26 января 1905 г. И. В. Холщевникову поступило прошение от Бандидо Хамбо Ламайского духовенства Восточной Сибири Ирелтуева о разрешении собрать в Чите совещание из представителей ламаистского духовенства, доверенных от булучных обществ и сведущих почетных представителей бурят при участии чиновников областной администрации для обсуждения вопросов упорядочивания религиозного быта бурят. Военный губернатор после

согласования с Приамурским генерал-губернатором разрешил съезд, но с условием ограничения его состава – «по одному из почетных прихожан и не более трех выборных от каждой инородческой волости». И хотя съезд был организован для «выражения свободного мнения кочевого населения области», военный губернатор И. В. Холщевников поручил Бандидо Хамбо Ламе предварительно выработать программу вопросов для обсуждения на съезде и поставил следующие ограничивающие его действия условия: «На съезде могут обсуждаться лишь те вопросы, которые будут изложены в программе, составленной Бандидо Хамбо Ламой и утвержденные мною; вопросы об отмене управления и суда, по закону 23 апреля 1901 г. и введения вместо него старого порядка, по закону 1822 г. и вопрос о применении к инородцам п. 7 указа от 12 декабря 1904 г., как не относящегося к бурятам, обсуждению на съезде не подлежат» [3, с. 6–7]. 26 апреля военный губернатор утвердил программу съезда. Включенные в нее вопросы не выходили «из пределов, допустимых для обсуждения». Губернатор лично открывал съезд. В своем отчете о его проведении он докладывал Петербургу, что результатом съезда стали два протокола: первый – по усовершенствованию быта и второй – по административному устройству. Военный губернатор посчитал, что первый протокол интереса не представляет, зато второй, по его мнению, очень важен. В отчете было представлено подробное его описание. Оба протокола с заключением И. В. Холщевникова были также представлены Приамурскому генерал-губернатору [3, с. 8].

По мнению военных губернаторов, проведение волостной реформы и унификация управления сельским населением не исключали пренебрежения российскими государственными ценностями со стороны инородцев. В отчете за 1908 г. военный губернатор В. И. Марков отмечал, что инородческое население в 200 тыс. душ обоего пола ($\frac{1}{4}$ всего населения области) «живет совершенно обособленной, мало знакомой даже местной администрации, жизнью», и приобщение к «русской государственности не подвинулось вперед в течение 2 $\frac{1}{2}$ столетий, со времени присоединения края к России». Губернатор выражал опасения, что представители коренного населения области «в случае возникновения военных осложнений, если и не проявят активной враждебности к русским, то едва ли можно ожидать от них и особого сочувствия и содействия русскому делу». «Очевидна необходимость принятия самых действительных мер для скорейшего приобщения Забайкальских инородцев к русской государственности и русской культуре», – делает вывод губернатор, уточняя, что таким мерами он считает, прежде всего, «распространение среди них русского школьного образования и воинской повинности» [4, с. 12]. Игнорирование губернаторской властью «инородческого образования», нежелание способствовать развитию «системы инородческих школ», «разработке задач воспитания», на что указывал Н. М. Ядринцев [25, с. 118], объяснялось нежеланием таким образом способствовать «обособлению» аборигенного населения.

Введение для инородцев воинской повинности, по мнению губернаторского звена власти, стало бы последней стадией реформ, ведущих к полному

уравниванию этой группы населения области с остальным в отношении прав и обязанностей перед государством [5, с. 9]. Е. О. Мациевский в своем отчете за 1893 г. доказывал, что именно «средством воинской повинности почти все народонаселение нашего отечества объединилось», «поставив каждого члена в одинаковые условия». По его мнению, буряты Селенгинского округа, отбывающие воинскую повинность по казачьему положению, ближе сошлись с русским населением, чем буряты и тунгусы других округов, не привлеченные еще к ее отбыванию [11, л. 35]. Военные губернаторы не без основания полагали, что только экономически сильное и прочно спаянное во всех своих группах население области может стать надежным оплотом государства при современном положении дел на Востоке [5, с. 9].

Основным вопросом, с которым сталкивались все военные губернаторы, был земельный. Запутанность земельных отношений в области, ставших следствием колонизации, чересполосица земельных наделов вызывали постоянные конфликты между разными категориями населения. Военный губернатор М. П. Хорошхин видел причину «затруднения правильного ведения дел управления областью» в непосредственном соседстве трех главных групп населения – собственников земли: казаков, крестьян и инородцев. «Наиболее важная причина застоя в земледелии, – писал он в своем отчете, – заключается в неопределенности поземельных отношений, вследствие того, что земли казаков, крестьян и инородцев до сих пор еще не обмежеваны, а потому постоянно возникают споры из-за права владения тем или другим участком земли. Эта неуверенность в своем праве на землю и побуждает хозяев извлекать как можно больше из участков, находящихся в данное время в их фактическом пользовании, не заботясь вовсе об их улучшении» [11, л. 23 об., 27].

Взгляды на земельный вопрос у губернаторов порой были диаметрально противоположны. К примеру, М. И. Эбелов считал, что «притеснения инородцев» приведут к «массовой перекочевке бурят в пределы Монголии», что может привести к «международному скандалу... и экономические взаимосвязи России и Монголии будут порваны навсегда». Губернатор также полагал, что это приведет к «обезлюдению приграничных областей» и «ослабит экономическую мощь» [12, л. 3–4]. В. И. Марков, напротив, в отчете за 1908 г. отметил, что «инородцы в большинстве случаев пользуются обширными земельными угодьями, далеко превышающими наделы соседних с ними крестьянских обществ», и «справедливой мерой» стало бы «сокращение земельных угодий, состоящих в пользовании инородцев», и поселение среди них русских крестьян. Это, по мнению военного губернатора, способствовало бы «желательному нарушению обособленной сплоченности инородцев и более тесному их сближению с русским населением» [4, с. 13]. Интересно, что попытка проведения реформы землепользования в Якутской области, суть которой была изложена в предложенной губернатором В. Н. Скрыпицыным Инструкции «О порядке уравнительного распределения в наслеге (или селении) земель между общественниками в соответствии с податными повинностями и платежами», под давлением недовольных ею

родовых начальников была отвергнута населением, и ее положения были применены только в некоторых улусах [1, с. 30].

Руководящие предписания высших органов власти военные губернаторы исполняли с разной степенью служебного рвения. Собственные представления о решении того или иного вопроса, накладываясь на личные качества, вносили субъективный оттенок в их действия. Сторонником твердой руки был военный губернатор И. П. Надаров, более мягкой линии придерживались Е. О. Мациевский и М. И. Эбелов. Но в целом в отношении коренного населения военные губернаторы действовали строго в рамках имперского курса.

В официальной переписке военных губернаторов Забайкальской области с генерал-губернаторами встречаются просьбы о разъяснении тех или иных вопросов в управлении инородческим населением. Строгое соблюдение иерархии требовало от военного губернатора посредничества между генерал-губернаторами и крестьянскими и инородческими начальниками. К примеру, «вследствие отношения» крестьянских и инородческих начальников военный губернатор А. И. Кияшко выступил «передаточным звеном» в вопросе об имуществе, не подлежащем продаже для удовлетворения взысканий с инородцев. Прежде чем обратиться в более высокую инстанцию, губернатор собрал сведения о практических трудностях реализации этих правил за последние три года. После продолжительной переписки с Иркутским генерал-губернатором Л. М. Князевым А. И. Кияшко получил от него «перечень имущества, не подлежащего описи, аресту и продаже на удовлетворение взысканий присужденных с инородцев Иркутской, Енисейской губернии, Забайкальской и Якутской областей» [14, л. 30–32, 60]. А. И. Кияшко обращался к Л. М. Князеву и по волновавшему инородцев вопросу «о порядке учреждения в почетных званиях шуленг и тайшей в тех случаях, когда такое звание избирательное», ввиду того что в действующем законодательстве «ничего не говорится об утверждении в этих званиях Губернатором» [14, л. 67–67 об.].

Ламаистское духовенство относилось к «начальникам области» с почтением, несмотря на разногласия по принципиальным вопросам. Бандидо Хамбо Лама Итигелов в своем письме резко осудил попытку покушения на военного губернатора А. И. Кияшко, имевшую место в 1912 г.: «С чувством глубокого отвращения, узнал о покушении, на драгоценную жизнь Вашего Превосходительства произошедшем в Нерчинско-Заводском уезде. Помолившись Богу, прошу принять от меня выражение живейшей радости по случаю избавления, промыслом Божиим, Вашего Превосходительства от опасности. Да продлит Господь Вашу драгоценную жизнь на многие годы в пользу Отечества. Свидетельствуя Вам свое глубокое почтение, беру смелость доложить, что в скором времени имею честь предстать пред Вами лично» [13, л. 174].

Как и православные монастыри, дацаны Забайкальской области в финансовом отношении были подотчетны военному губернатору. Нам, в частности, удалось обнаружить финансовый отчет за 1872 г., кото-

рый «исправляющий должность» главного ламы Бандидо Хамбо Ламаистского духовенства Восточной Сибири Ширетуй Васильев представил военному губернатору Н. П. Дитмару «о поступивших в этом году во вверенные 34 дацана Ламаистского духовенства Восточной Сибири доходах с разъяснениями за каждый отдельно» [9, л. 25].

Инородческий вопрос был стержневым в этноконфессиональной политике военных губернаторов Забайкальской области, что обуславливалось, в первую очередь, ее геополитическим значением и близким соседством с родственным коренному народу – бурятам – монгольским населением. Понимая роль Забайкалья как плацдарма для укрепления позиций империи на Востоке, военные губернаторы стремились в соответствии с имперским курсом «сформировать» единое, сплоченное, однородное по менталитету, преданное государству население, которое станет залогом безопасности империи на ее рубежах. Полагая, что достижение этого единства может быть обеспечено унификацией управления, хозяйственных занятий и образа жизни всех слоев населения вверенной области, военные губернаторы задолго до проведения политики формирования единой организации управления сельским населением Сибири стали высказывать мнения о необходимости ликвидации инородческого самоуправления, переводе коренного населения на оседлый образ жизни и распространения на него воинской повинности. Касающееся коренного населения делопроизводство военных губернаторов, поначалу имеющее чисто информативный характер, в 1870–1890-х гг. приобрело рекомендательный оттенок. Можно сказать, что именно забайкальские губернаторы инициировали реформу управления бурятским населением области.

С дальнейшим распространением товарно-денежных отношений в среде коренного населения Забайкалья, унификацией административной системы, фактически ликвидировавшей традиционные формы управления бурят, урегулирование конфликтных вопросов (особенно земельного) стало одним из основных направлений деятельности военных губернаторов Забайкалья, а описание принятых в этом направлении мер заняло значительное место в их деловой переписке.

Список литературы

1. *Архипова А. И.* Губернаторская власть и политика в отношении инородческого населения на рубеже XIX–XX вв. в Якутской области // *Власть и управление на востоке России.* – 2011. – № 4(57). – С. 28–34.
2. Всеподданнейший отчет военного губернатора Забайкальской области за 1903 г. // *Научно-справочная библиотека Российского государственного исторического архива. Коллекция печатных записок (НСБ РГИА. КПЗ).* № 52.
3. Всеподданнейший отчет военного губернатора Забайкальской области за 1904 г. НСБ РГИА. КПЗ. № 10.
4. Всеподданнейший отчет о состоянии Забайкальской области за 1908 г. НСБ РГИА. КПЗ. № 34.
5. Всеподданнейший отчет о состоянии Забайкальской области за 1910 г. НСБ РГИА. КПЗ. № 21.

6. Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК). Ф. 1 (о). Оп. 1. Д. 226.
7. ГАЗК. Ф. 1 (о). Оп. 1. Д. 346.
8. ГАЗК. Ф. 1 (о). Оп. 1. Д. 502.
9. ГАЗК. Ф. 1(о). Оп. 1. Д. 1137.
10. ГАЗК. Ф. 1(о). Оп. 1. Д. 1611.
11. ГАЗК. Ф.1 (о). Оп. 1. Д. 3354.
12. ГАЗК. Ф. 1(о). Оп. 1. Д. 17327.
13. ГАЗК. Ф. 13. Оп. 4. Д. 5.
14. ГАЗК. Ф. 20. Оп. 2. Д. 47.
15. Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). Ф. 178. Оп. 1. Д. 199.
16. *Дамешек И. Л.* Российское законодательство и Сибирь. Соотношение имперских принципов и регионализма // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. История. – 2012. – № 2(3), ч.1. – С. 54–58.
17. *Дамешек Л. М.* История органов местного самоуправления бурят в XIX – начале XX в. / Л. М. Дамешек, Б. Ц. Жалсанова, Л. В. Курас. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2013. – 503 с.
18. *Жалсанова Б. Ц.* История формирования и развитие органов местного самоуправления бурят в XIX – нач. XX вв. / Б. Ц. Жалсанова. – Иркутск : Отгиск, 2012. – 363 с.
19. *Кейзерлинг А.* Воспоминание о русской службе / А. Кейзерлинг ; пер. с нем. Н. Федоровой. – М. : Академкнига, 2001. – 447 с.
20. *Малыгина О. А.* Инородческий вопрос в делопроизводстве военных губернаторов Забайкальской области (вторая половина XIX – начало XX в.) // Вестн. Бурят. гос. ун-та. Сер. История. – 2013. – № 7. – С. 146–149.
21. Российский государственный исторический архив (РГИА) Ф. 1265. Оп. 1. Д. 87.
22. РГИА. Ф. 1265. Оп. 2. Д. 103.
23. РГИА. Ф. 1265. Оп. 4. Д. 36.
24. *Слокум Дж. У.* Кто и когда были «инородцами»? Эволюция категории «чужие» в Российской империи // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет : антология / сост. П. Верт, П. С. Кабытов, А. И. Миллер. – М. : Нов. изд-во, 2005. – С. 502–531.
25. *Ядринцев Н. М.* Сибирь как колония: К юбилею трехсотлетия: Современное положение Сибири. Ее нужды и потребности. Ее прошлое и будущее / Н. М. Ядринцев. – СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1882. – 472 с.

“Preferably non-Russians’ Solidarity to be Broken...” (“Non-Russians Issue” in the Reports of the Military Governors of Transbaikal Area)

L. V. Kalmina, O. A. Malygina

*Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS, Ulan-Ude
Buryat State University, Ulan-Ude*

Abstract. The article analyzes the reports on the non-Russians issue by the Military Governors of Transbaikal area. They confirm that it was the Governors’ initiative to carry out unification

and governance of the indigenous population of Transbaikal area aimed at maintenance of security at the border territory in the east of the Russian Empire Governors.

Keywords: military Governors, non-Russians, Governor's report, governance reform, agrarian issue, unification of mode of life.

Кальмина Лилия Владимировна

*доктор исторических наук
Институт монголоведения, буддологии и
тибетологии Сибирского отделения РАН
670042, г. Улан-Удэ, а/я 6254
тел.: 8(3012)55-63-78
e-mail: kalminal@gmail.com*

Kalmina Lilia Vladimirovna

*Doctor of Sciences (History)
Institute for Mongolian
Buddhist and Tibetan Studies SB RAS,
POB 6254, Ulan-Ude, 670042
tel.: 8(3012)55-63-78
e-mail: kalminal@gmail.com*

Малыгина Ольга Анатольевна

*кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник,
Институт Внутренней Азии
Бурятский государственный университет
670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24 «а»
тел.: 8 (3012) 29-71-60 доб. 290
e-mail: kirienko-o@mail.ru*

Malygina Olga Anatolievna

*Candidate of Sciences (History),
Senior Research Scientist,
Inner Asia Institute
Buryat State University
24 "a", Smolin st., Ulan-Ude, 670000
tel.: 8 (3012) 29-71-60, exten. 290
e-mail: kirienko-o@mail.ru*